

РЕЦЕНЗИИ

Ю.И. СЕМЕНОВ

С.В. ЧЕШКО. РАСПАД СОВЕТСКОГО СОЮЗА. ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ. — М., 1996. — 309 с.

Распад Советского Союза, бесспорно, является одним из крупнейших событий XX века, которое уже сказалось и еще долго будет сказываться как на судьбе народов, живших в его пределах, так и на всем ходе мировой истории. Поэтому выявление причин, обусловивших гибель одной из двух сверхдержав второй половины XX века, изучение процессов, которые привели к такому результату, относится к числу важнейших задач общественных наук вообще, исторической науки в первую очередь.

Конечно, об этом событии написано уже немало. Но все это либо сырой материал, либо публицистика. Работа С.В. Чешко — первое научное исследование этой сложнейшей проблемы. И закономерно, что оно предпринято не специалистом по отечественной истории, а этнологом. Ведь СССР, представлявший собой полиэтничный социально-исторический организм, распался на государства, которые все, кроме России, претендуют на то, что они являются национальными. Поэтому без детального изучения этнической структуры Советского Союза, без выявления отношений между входившими в его состав этническими общностями понять механизмы распада этой страны невозможно.

Но само по себе только изучение этнического состава СССР не может дать ключа к решению поставленной автором задачи. Поэтому С.В. Чешко с неизбежностью берет проблему одновременно и широко, и глубоко. С одной стороны, он рассматривает ее в широком историческом контексте. В поле его зрения не только семидесятилетняя история собственно Советского Союза, но и многовековая история Российской державы. С другой

стороны, обращаясь к современности, он исследует не только область этнических взаимоотношений, но и экономическую, политическую, идеологическую и другие сферы общественной жизни.

Могут сказать, что для исследования распада СССР еще не пришло время. И дело не только и может быть даже не столько в том, что многие материалы еще не доступны ученым. Распад Советского Союза никого не оставил равнодушным. Существуют диаметрально противоположные оценки этого события, идут ожесточенные споры. И в этой ситуации трудно быть объективным, а ведь объективность — необходимое условие подлинно научного исследования. С.В. Чешко прекрасно осознает эту опасность. Он не уверяет, что у него самого нет никаких политических и иных симпатий и антипатий. Но он стремится быть максимально объективным. И, полагаю, что в целом ему удалось этого достигнуть. Его монография — не публицистическая скороспелка, это — серьезное объективное научное исследование, которое придется принять во внимание всем тем, кто в последующем обратится к этой проблеме.

Сказанное отнюдь не значит, что работа лишена недостатков. Речь идет вовсе не о том, что в ней много спорного. Я глубоко убежден, что дискуссионность не порок, а, наоборот, достоинство всякой подлинной научной работы. Спорного в работе много, и это очень хорошо. Монография будит мысль, заставляет заново взглянуть на многие привычные положения. Говоря о недостатках, я имею в виду фактические неточности и даже явные ошибки, недостаточное внимание к тем или иным важным моментам и сторонам исследуемого процесса, а иногда и полное отсутствие такого внимания, наконец, содержащиеся в работе противоречия.

С.В. Чешко отмечает существование двух крайних точек зрения на распад СССР. Согласно одной из них, распад Советского Союза был фатально предопределен. Этот подход автор характеризует как крайне «объективистский», что явно неудачно. Такого рода взгляды давно уж принято именовать фатали-

стическими. Другой взгляд состоит в том, что развал великой страны является результатом происков или заговора отдельных лиц. Автор характеризует его как крайне «субъективистский», хотя точнее всего назвать его волюнтаристским. Он стремится избежать обеих этих крайностей и в целом у него это получается. В общем ему удастся раскрыть сложное соотношение объективных и субъективных факторов, которые вместе взятые и привели к исчезновению СССР, хотя иногда он и допускает отдельные, не вполне четкие формулировки.

С.В. Чешко подвергает достаточно убедительной критике фаталистический подход к проблеме, совершенно справедливо усматривая в этом попытку снять вину за развал СССР с определенных политических сил и лиц. Однако в своей попытке доказать, что развал страны не был фатально предопределен, он иногда переходит меру. Рассматривая положение в советском обществе вообще, советской экономике в частности накануне перестройки, автор настаивает на том, что ни общество в целом, ни его экономика не находились в состоянии кризиса.

Нельзя в этой связи не сказать, что представления С.В. Чешко о социально-экономическом и политическом строе СССР не отличаются достаточной четкостью, что вряд ли можно поставить ему в вину. Такими являются взгляды большинства российских обществоведов. Для характеристики наших прежних порядков автор часто употребляет модное, но во многом совершенно бессодержательное понятие «тоталитаризм».

Согласно его точке зрения, наше «тоталитарное» общество к 1985г. не находилось накануне краха. Это верно. И тем не менее в глубокий кризис оно уже втянулось, что и заставило наших лидеров лихорадочно искать пути выхода из него. Но этот кризис делал неизбежным в близком или более отдаленном будущем лишь смену прежнего общественного строя иным, но отнюдь не развал социально-исторического организма¹.

¹ Подробнее об этом понятии см.: Семенов Ю.И. Секреты Клио. Сжатое введение в фи-

Когда началась перестройка, возникла и стала нарастать возможность распада СССР. Но наряду с ней существовала и возможность его сохранения. И то, какая именно из этих двух объективных возможностей превратится в действительность, зависело от исхода борьбы возникших в период перестройки политических сил. Автор достаточно полно показывает, в чем состояла объективная возможность распада страны и в результате действия каких именно общественных сил и политических деятелей эта возможность в конце концов реализовалась.

Обращаясь к истории страны, С.В. Чешко стремится нарисовать объективную картину этнических и национальных отношений в дореволюционной России. Он убедительно показывает, что Россия не была колониальной империей в классическом смысле слова, что эксплуатация трудовых слоев нерусских ее народов было гнетом не столько национальным, сколько классовым. Однако борясь с одной крайностью — изображением России как типичной колониальной державы, во всем подобной Испанской, Британской или Французской колониальным империям и уже в силу этого обреченной на исчезновение, автор иногда перегибает палку. Признавая, что национальное угнетение в России было, С.В. Чешко все же несколько преуменьшает его масштабы и значение.

Говоря и в целом справедливо о том, что программы элит нерусских народов России, как правило, не шли дальше требования автономии, он так четко и не объясняет, почему Россия после революции 1917 г. стала стремительно разваливаться на национальные образования. Вряд ли можно согласиться с ним в том, что провозглашение независимых национальных государств лишь отчасти и не во всех случаях можно объяснить как реакцию на захват центральной власти большевиками (см. С. 82). Имеются все основания полагать, что именно приход большевиков к власти был главной причиной такого хода событий. Повсеместно во главе националистических движений стоя-

ли представители либо национальной буржуазии, либо иных эксплуататорских классов. После Октября главным побудительным мотивом их действий было стремление сохранить свое классовое господство. И эти свои классовые интересы они выдавали за национальные с тем, чтобы привлечь на свою сторону широкие массы.

Переходя к рассмотрению национальных отношений в СССР, автор убедительно разоблачает всевозможные мифы: как старые, так и новые. Опираясь на всю совокупность твердо установленных фактов, С. В. Чешко убедительно опровергает созданные в перестроечные и послеперестроечные годы псевдонаучные построения, имеющие своей целью обосновать концепцию фатальной предопределенности распада СССР.

Он показывает, что взгляд, согласно которому СССР возник в результате насильственного подчинения большевиками новых национальных государств, очень далек от действительности. Как известно, чуть ли не аксиомой к настоящему времени стало, что в СССР в широких масштабах практиковался этноцид. Некоторые авторы даже утверждают, что за годы советской власти были физически уничтожены целые нации. Детально рассматривая этот вопрос, автор доказывает, что широкомасштабные репрессии в стране не имели этнической направленности, что их целью не было уничтожение тех или иных этносов. «Режим, — пишет С.В. Чешко, — уничтожил миллионы людей, но при этом не уничтожил ни одного народа» (С. 108).

Много писали в последнее время и о национальном гнете в СССР. Не отрицая отдельных проявлений правовой и социальной дискриминации тех или иных народов в тот или иной период истории советского общества, автор приходит к глубоко аргументированному выводу о том, что о национальном угнетении в Советском Союзе в точном смысле этого слова говорить нельзя. Не было, по его мнению, в СССР и насильственной русификации. Не было и общегосударственной установки на насильственную ассимиляцию.

Много критических стрел за последние годы было выпущено против широко рекламируемого в свое время понятия «советский народ». Как показывает автор, по этому вопросу в нашей официальной литературе было сказано немало глупостей. Однако само по себе это понятие несомненно отражало реальное положение дел. От себя я хотел бы добавить, что во всяком случае говорить о советском народе было ничуть не меньше оснований, чем о бельгийском, индийском, пакистанском, нигерийском и т. п. народах, а между теми последние понятия ни у кого особых сомнений не вызывают.

Но, разоблачая многие из старых и новых мифов, автор, к сожалению, не избежал влияния некоторых из них. Особенно это сказалось на его взглядах на национальную политику большевиков. Он, например, утверждает, что российские «демократы» в перестроечные годы заняли те же позиции, на которых стояли большевики после 1917 г., а именно «выдвинули идею освобождения нерусских народов и их политического самоопределения — освобождения от «колониального господства» (С. 228).

В действительности между позициями большевиков 1917 г. и российских «демократов» конца 80-х — начала 90-х годов, существовало коренное различие. Большевики требовали ликвидации национального гнета, который реально существовал в царской России, предоставления права народам решить свою судьбу, но, отнюдь, не распада страны на национальные государства. Они были сторонниками единой пролетарской России. Российские «демократы» перестроечных лет добивались не ликвидации национального гнета, которого, по сути, не существовало, а развала страны.

Как утверждает С.В. Чешко, у В.И. Ленина не было никакой теории нации (см. С. 150), ее создал только И.В. Сталин. Это неверно. В первом десятилетии XX в. социал-демократами были созданы две теории нации. Это были, выражаясь словами В.И. Ленина, психологическая теория О. Бауэра и К. Реннера и историко-экономическая теория К. Каутского. В.И. Ленин был ре-

шительным противником первой и убежденным сторонником второй. Теории К. Каутского, восходившей ко взглядам К. Маркса и Ф. Энгельса, ему было вполне достаточно для выработки национальной политики руководимой им партии. Он не видел необходимости в создании какой-либо иной концепции.

Что же касается И.В. Сталина, то в своей пропагандистской, популяризаторской брошюре он ничего нового в теорию наций не внес, если не считать изрядной путаницы. В частности, он попытался эклектически соединить названные выше теории в данном им определении нации, которое он в последующем неоднократно переделывал.²

В. И. Ленина меньше всего интересовали этносы сами по себе. Поэтому никакой теории этнических общностей он создать и не пытался. Он был прежде всего политиком. И когда в России начались национальные движения и тем самым появилась новая политическая сила, ему было важно выработать отношение руководимой им партии к этим политическим движениям и этой политической силе. Большевики были демократами, поборниками равенства и противниками всех форм социального гнета, включая национальный. Именно поэтому ими был принят принцип права наций на самоопределение.

С. В. Чешко допускает явную неточность, когда в одном из мест работы пишет, что именно И.В. Сталин придал признанию права наций на самоопределение экстремистскую форму, превратив его в право на отделение и образование самостоятельного государства (см. с. 83). В действительности право на самоопределение с самого начала понималось большевиками как право на отделение. Кстати, в другом месте работы автор это признает (С. 149), одновременно утверждая, но никак не доказывая, что принятие большевиками данного программного положения было отходом от марксизма. Признавая право наций на отделение, большевики в то же время считали своей задачей до-

² Подробнее об этом см.: Семенов Ю. И. Из истории теоретической разработки В.И. Лениным национального вопроса // Народы Азии и Африки. 1966. № 4.

бываться того, чтобы нации не отделялись. Более того, они считали, что признание за нациями права на отделение, является лучшим средством сохранения единого государства.

Большевики на первых порах решительно выступили против федерации. Их идеалом было унитарное государство, в котором возможна автономия некоторых областей, выделяющихся своими особенностями, в частности и национальным составом населения. Решительными сторонниками федерации они стали тогда, когда наметился, а затем и начался распад государства. Федерация, которая в условиях существования унитарного государства означала ослабление внутригосударственных связей, в качественно новой ситуации становилась средством воссоздания государственного единства.

Автор некритически воспринимает миф о том, что большевики с самого начала встали на путь искусственного создания все новых и новых национальных образований внутри РСФСР (см. С. 89). На примере создания первой автономии — башкирской — можно наглядно видеть, что это было делом насущной практической необходимости. Необходимостью на первом этапе развития были и «коренизация» и предоставление если не всем, то, по крайней мере, некоторым нерусским народам, определенных льгот.

Большевики не видели в этом особой опасности, ибо исходили из того, что в обществе, в котором будет ликвидирован всякий социальный гнет, не будет никаких трений между народами. Однако вопреки всем их желаниям в СССР вместо социализма возникло новое общество, основанное на эксплуатации человека человеком. Социальный гнет не исчез, а лишь приобрел иные формы³. А это создало основу и для новых национальных конфликтов. И кроме того, в большинстве своем они не понимали (хотя об этом предупреждал К. Каутский), что имеются

³ См.: Семенов Ю. И. Россия: что с ней случилось в двадцатом веке // Российский этнограф. Вып. 20. М., 1993; Он же. Россия: что с ней было, что с ней происходит и что ее ожидает в будущем. М., 1995.

и иные, кроме указанного выше, факторы, порождающие национальные конфликты.

С перерождением общественного строя и соответственно партии, пришел конец марксистскому анализу действительности, который позволял В.И. Ленину вырабатывать гибкую, отвечающую реалиям национальную политику. Следствием, действительно, было продолжение политики создания новых национальных образований, когда нужды в этом уже практически не было, фактическое продолжение «коренизации», которая из способа уравнивания народов стала превращаться и превратилась в средство закрепления неравенства между ними, и т. п.

И хотя в СССР на словах всегда осуждался национализм, реальным результатом подобной политики было возникновение комплекса явлений, для обозначения которого автор использует термин «этнонационализм». И все, что сказано о нем в монографии (С. 152-162), во многом верно. Именно этот «этнонационализм» и стал в последующем одной из предпосылок распада Советского Союза.

Рассмотрению собственно распада СССР С.В. Чешко предпосылает сжатый, но глубокий обзор хода того, что получило название перестройки. Особое внимание он уделяет политике М.С. Горбачева, формированию и борьбе политических сил. Со многим из того, что сказано автором по этому вопросу, на мой взгляд, нельзя не согласиться.

Необычайно содержательным является раздел, в котором рассматривается возникновение и развитие идеологии национализма и националистических движений в союзных республиках, прежде всего в прибалтийских. Все это подрывало Советский Союз. Но дело могло бы ограничиться выходом из него нескольких республик и его преобразованием в такое государственное объединение, которое более отвечало бы потребностям времени, если бы на сцену не выступила такая политическая сила, как российские «демократы», лидером которой стал Б.Н. Ельцин. Придя на волне народного недовольства политикой

М.С. Горбачева к руководству в РСФСР, они использовали свою победу для подрыва власти союзного центра.

Как убедительно показывает С.В. Чешко, именно союз российских радикальных «демократов» и националистов в республиках был той силой, которая разрушила СССР. Однако он все же недостаточно подчеркивает то общее, что сплотило и тех, и других. Он говорит о первых как о людях, стремившихся подорвать союзный центр, а о вторых — как о сепаратистах. В действительности же сепаратистами были не только последние, но и первые. Сепаратизм — вот, что их объединило.

Недостаточно полно, по моему мнению, раскрыты в работе и причины сепаратизма российских «демократов». Автор упускает из вида один и довольно существенный момент. Дело не только, а может быть и не столько в личных амбициях Б.Н. Ельцина, хотя они, разумеется, сыграли немалую роль. Важное значение имели чисто экономические соображения. Е.Т. Гайдар и его команда, приступая к экономическим преобразованиям, считали, что для их успешного хода необходимо отделение России от всех остальных союзных республик. В таком случае России не придется делиться своими ресурсами с остальными республиками, а их руководство не сможет ставить палки в колеса рыночным реформам. И так как их рекомендации совпадали с личными мотивами Б.Н. Ельцина, то они были приняты им к сведению и к исполнению.

Недостаточное внимание обратил С.В. Чешко и на идеологическое обоснование сепаратизма российскими «демократами», которое кое на кого подействовало. Как это ни звучит абсурдно, но они без конца говорили о том, что Россия является колонией, которую беспощадно эксплуатирует метрополия в лице союзного руководства, что Россия подвергается дискриминации: она в отличие от иных союзных республик лишена своего телевидения, своего радио, своей Академии наук и т. п., что если у других республик есть масса своих газет, издательств и т. п., то Россия не имеет почти ничего. И этот вздор некоторыми принимался всерьез.

Особенно действовали на людей утверждения, что если россияне терпят нужду, то вся причина в эксплуатации со стороны союзного центра. Стоит только сбросить его господство, как народы России начнут жить в изобилии. Нетрудно заметить, что российские сепаратисты приводили те же самые аргументы и предлагали те же самые рецепты, что и националисты прочих союзных республик. Как только произойдет освобождение от власти союзного центра, вещали последние, сразу же начнется процветание.

И по мере ухудшения экономического положение в стране люди все в большей степени к этой пропаганде прислушивались. Яркий пример — результаты украинского референдума 1 декабря 1991 г., существенно отличавшиеся от итогов общесоюзного референдума 17 марта того же самого года на той же самой территории.

И все же большинство населения союзных республик, включая лишь некоторых из них, не поддалось угару национализма и сепаратизма. Судьба Советского Союза была решена в конечном счете не волей народов, а решением, принятым в довольно узком кругу. Таков конечный вывод, к которому пришел автор, и в этом, на мой взгляд, он прав.

Таким образом, монография С.В. Чешко представляет собой существенный вклад в исследование проблемы распада Советского Союза. Поэтому можно порекомендовать всем интересующимся данным вопросом ознакомиться с ней, а еще лучше приобрести ее, что не так просто, ибо книга издана тиражом всего лишь в 500 экземпляров.